

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Аллен Даллес

асы

шпио нажка

Классический шпионаж
Агентурные сети
Агенты-добровольцы
Агенты-одвойники
Перебежчики
Дезинформация
Коды и шифры
Технические коды разведки
Оценка добытой информации

Аллен Даллес

Асы шпионажа

«Центрполиграф»

Даллес А.

Асы шпионажа / А. Даллес — «Центрполиграф»,

Книга «Асы шпионажа» составлена Алленом Даллесом – супершпионом, легендарным шефом ЦРУ, автором многих бестселлеров, в том числе «ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа». В книге повествуется о 39 ярчайших эпизодах из богатой истории мирового шпионажа. Каждый эпизод снабжен личными комментариями Аллена Даллеса. Среди героев книги – специалисты по тайным убийствам, создатели крупнейших агентурных сетей, знатоки методов технического шпионажа, «нелегалы», шпионы-«оборотни», агенты-«двойники» и другие представители этой необычной профессии, чья жизнь проходит под грифом «Совершенно секретно!».

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	10
Ричард Колье	11
Эдвард Морган	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Аллен Даллес

Асы шпионажа

Предисловие

Читателю, желающему иметь более полное представление о наиболее известных подлинных шпионских историях, хотелось бы, видимо, знать, в результате чего тот или иной агент получил широкую известность. Я, например, подразделяю их на два типа. К первому у меня относятся шпионы, которые добывают столь важную информацию, которая при определенных условиях может решить исход сражения или даже судьбу страны. Причем они, как правило, не совершают каких-то умопомрачительных поступков и даже не подвергают опасности собственную жизнь. Будучи выдающимися профессионалами, они для окружающих остаются обычными людьми, не привлекающими к себе ничего внимания. Взять хотя бы Клауса Фукса¹, личность которого вообще-то не представляет собой ничего особенного. А ведь передача им американских атомных секретов Советам наложила громадный отпечаток на весь ход истории.

Ко второму типу принадлежат шпионы, являющиеся выдающимися личностями, совершившими героические поступки, связанные с захватывающими дух приключениями, независимо от важности добытой ими информации. К их числу относятся и такие, кто порой и вообще не выполнил своего задания, но держался стойко и достойно. Герой-шпион американской революции Натан Хейл², истинный патриот своей Родины, проявил во время своей казни такое благородство и мужество, что навсегда остался в памяти потомков. К сожалению, следует признать, что он не обладал специальными знаниями, был плохо подготовлен и вообще не был подходящим человеком для выполнения своего задания.

Идеальный шпион – это личность, обладающая высокими человеческими качествами и профессиональным мастерством.

В предлагаемых ниже отобранных мною историях и рассказах не повествуется, смею думать, ни об одном из шпионов, не обладавших этими свойствами.

В наше время многие шпионы пользуются всемирной славой, хотя остается неясным, многого ли они достигли. Советский разведчик экстра-класса Рудольф Абель³ – яркий тому пример. В 1957 году он был арестован ФБР по доносу его напарника, сбежавшего на Запад. При аресте на его квартире в Нью-Йорке были обнаружены коды, радиопередатчик и различ-

---

¹ Фукс Клаус (1911–1988) – немец, антифашист. Ключевая фигура в «атомной шпионской группе». Родился в семье религиозного деятеля. Был членом Германской компартии. С приходом нацистов к власти эмигрировал в Австрию, откуда выехал в Англию. Защитил докторскую диссертацию в Бристольском университете. Работал над проектом атомной бомбы в США и Англии. Сотрудничал с советской разведкой. Арестован в 1949 г., осужден к 14 годам тюремного заключения. Освобожден досрочно в 1959 г. и уехал в ГДР, где работал заместителем директора института ядерной физики.

² Хейл Натан (1755–1776) – капитан американской армии периода Войны за независимость. До войны работал учителем в школе. Был высокого роста со шрамами на лице от осколочного ранения. Разведывательной подготовки не имел. Был схвачен англичанами при возвращении через линию фронта после выполнения разведывательного задания и казнен. Последними его словами были: «Я сожалею лишь о том, что у меня всего одна жизнь, которую я могу отдать за отечество». (*Здесь и далее примеч. перев.*)

³ Абель Рудольф – Фишер Вильям (1903–1971) – ас советской разведки, полковник. Родился в Ньюкасле (Англия) в семье русского политэмигранта. Отец – из обрусевших немцев Ярославской губернии. В 1920 г. семья возвращается в Россию. В 1922 г. Вильям вступает в комсомол, затем проходит службу в армии. в 1927 г. – помощник уполномоченного иностранного отдела ОГПУ, нелегально работал радистом в нескольких европейских резидентурах. В 1938 г. уволен из разведки, восстановлен в 1941 г. В годы Второй мировой войны готовил диверсионно-разведывательные группы, радистов и партизан. В 1947 г. нелегально выехал в Канаду, откуда в 1948 г. переехал в США. В 1954 г. легализовался в Нью-Йорке в качестве фотографа. Являлся резидентом советской разведки. Предан своим помощником Хейханеном и арестован в 1957 г. Приговорен к 30 годам тюремного заключения. В 1962 г. его обменяли на американского летчика Пауэрса. В честь Абеля выпущена почтовая марка СССР.

ные реквизиты, явно свидетельствовавшие об интенсивной агентурной работе. Никаких показаний, однако, о своей шпионской деятельности он не дал, поэтому до сих пор трудно судить о ее реальных результатах. Его процесс и обмен на американского пилота со сбитого У-2 Гери Пауэрса⁴ в 1962 году привлекли пристальное внимание прессы. Об Абеле написано довольно много статей и книг, но почерпнуть из них что-либо конкретное о круге его шпионских интересов практически невозможно: все изложенное, увы, не более чем предположения.

Вероятно, меня упрекнут в том, что я не публикую в этой книге ничего о пресловутой Мата Хари⁵, одной из самых известных шпионок. Дело в том, что ни в мотивах ее действий, ни в применявшихся ею методах, да и в достигнутых результатах – насколько об этом известно из исторических источников, – я не нашел ничего выдающегося. Вызывает обоснованное сомнение даже тот факт, а стоила ли полученная от воздыхателей информация, изложенная ею на бумаге, самой исписанной бумаги. Я не сомневаюсь, что при компетентном руководстве эта ловкая женщина могла бы достичь большего: ведь она была одиночкой. Ее драматичная казнь является, по сути дела, тем, что сохраняет ее в памяти людей. Она стала жертвой общественного мнения и давления, оказанного на французские власти в 1917 году, в результате поднявшейся волны шпиономании и необходимости показать решительность принимаемых ими мер против шпионов. Поскольку она, согласимся, не была подлинной шпионкой, я решил показать вместо нее Казанову⁶, которого читатель вряд ли ожидал встретить в этом обществе, а между тем его деятельность вообще хорошо характеризует поведение шпиона.

Решение о важности и значении того или иного агента является, скорее всего, делом личного порядка, поскольку и историки могут ошибаться, да и насколько достоверны источники, на которые они опираются?

Недавно в Англии выпущена официальная книга, раскрывающая агентурную работу англичан во Франции во время Второй мировой войны, куда их переправляли на катерах или сбрасывали на парашютах с самолетов с заданием по организации и поддержке подпольного движения местного населения – «чтобы разжечь огонь в оккупированной Европе», как выразился Черчилль.

Появление этой книги вызвало ажиотаж и даже неприязнь не только в британском парламенте, но и среди бывших непосредственных участников событий, их друзей и помощников, поскольку героические деяния этих людей, о которых в свое время много писали и говорили в захлеб, были представлены в ней сухо и на основе только тех фактов, которые уже можно было опубликовать, исходя из соображений безопасности. Истина-то ведь всегда бледнеет в сравнении с бытующими легендами.

Вначале я хотел было включить в этот сборник шпионские истории периода Гражданской войны в Америке, например о Пинкертоне⁷, основателе всемирно известного детектив-

---

⁴ Пауэрс Гери (1929–1977) – пилот американского самолета-шпиона У-2, капитан. В ВВС США с 1950 г., участвовал в программе полетов на У-2 с 1956 г. В 1960 г. вылетел из Пакистана в Норвегию над территорией Советского Союза. Был сбит под Свердловском. На показательном процессе в Москве приговорен к 10 годам тюрьмы. Разбился на вертолете при патрулировании дорожного движения.

⁵ Мата Хари – Зелле Маргарет (1876–1917) – знаменитая женщина-шпионка, которая в действительности шпионажем, возможно, и не занималась, будучи слишком наивной и доверчивой. Родилась в Голландии в семье лавочника. Мать – яванка. Восемнадцати лет вышла замуж за офицера ВМФ и выехала с ним в голландскую Ист-Индию. Развелась в 1906 г. и отправилась в Париж, где стала выступать как исполнительница эротических танцев, приняв имя Мата Хари – «око рассвета». Обзавелась влиятельными и богатыми любовниками, в числе которых был немецкий крон-принц и военный атташе майор Калле. Покровители платили ей за услуги в постели, хотя могли и проговориваться о кое-каких секретах. Арестована в 1917 г. и расстреляна. Кинорежиссеры разных стран использовали ее образ как прототип шпионки-соблазнительницы.

⁶ Казанова Джованни Джакомо (1725–1798) – венецианский авантюрист, солдат, писатель, ловелас. В 1755 г. был обвинен в Венеции в чародействе и приговорен к 5 годам тюрьмы. Бежал в Париж, шпионил в интересах короля Людовика XV, разъезжая по всей Европе. Возвратился в Венецию, где в 1774–1782 гг. занимался внутренней разведкой.

⁷ Пинкертон Алан (1819–1884) – частный детектив, руководил службой военной разведки и контрразведки северян в годы Гражданской войны в Америке. Родился в Глазго (Шотландия) в семье полицейского. Двадцатитрехлетним эмигрировал в Америку, где работал бондарем, затем помощником шерифа. В 1850 г. открыл собственную сыскную контору по борьбе

ного бюро; шефе секретной службы Макклелане или Лафайетте Бейкере, вышедшем на след убийц Линкольна. Были тогда и женщины: Белла Бойд, шпионившая для Стонуола Джексона; Элизабет ван Лью, работавшая на Гранта, да и другие красавицы, переходившие границу с секретными документами, спрятанными на груди.

Однако, к своему сожалению, вынужден был отказаться от этой задумки, так как лишь немногие из широко распространенных в свое время историй соответствовали реалиям, появившимся после войны на потребу публике, жаждавшей романтики.

Самыми секретными сведениями являются данные о личности самого агента. Даже через сорок лет после окончания Войны за независимость Джон Дей отказался назвать имя агента Джеймсу Фенимору Куперу, хотя и рассказал ему подробно о его героических делах, что вдохновило писателя на роман «Шпион». Начальник контрразведки Вашингтона упоминает в своих мемуарах всего в нескольких строчках о некоем Самуэле Калпере, который только в 1939 году был идентифицирован историками на основании сличения почерков как Роберт Таунсенд⁸.

Теперь, по прошествии более ста лет, историкам удалось установить по данным секретного доклада Вашингтона континентальному конгрессу, что им на расходы секретной службы было выдано 17 тысяч долларов.

Одним из самых необычных путей, по которому те или иные шпионские истории становятся достоянием общественности, являются иски агентов, предъявляемые правительствам за неоплаченные им услуги. В качестве истцов выступают иногда и их наследники. Правительства слишком забывчивы и даже неблагодарны, когда речь идет об оплате труда агентов. Об агентурной деятельности Эдварда Банкрофта⁹ – одного из парижских секретарей Бенджамина Франклина¹⁰, состоявшего на службе английского короля Георга III, вероятно, ничего не было бы известно, если бы он сам не напомнил в 1784 году британскому казначею, что им недополучены деньги за оказанные англичанам услуги, упомянув конкретно за какие именно. Это письмо, долго пролежавшее в британских архивах, выплыло на свет только в 1889 году. Вполне возможно, что Франклин знал об этой стороне деятельности Банкрофта, но сознательно не мешал ему, преследуя свои собственные интересы.

Традиционная скрытность властей различных государств в области агентурной деятельности по различным причинам была в последнее время нарушена, свидетельство чему – публикация многих материалов по шпионажу, что и позволило подготовить данную книгу.

На Западе как следствие «холодной войны» был открыт доступ к трем источникам надежной информации по современному шпионажу: публичные процессы над изобличенными агентами противника, официальные сообщения о нелегальных операциях противоборствующих держав и откровения перебежчиков. Следует подчеркнуть, что речь в них шла не о деятельности собственных секретных служб, а преимущественно об усилиях противной стороны.

с поездными налетчиками. В 1861 г. создал разведывательную службу у Макклелана. По окончании войны возвратился к сыскной деятельности, возглавив детективное бюро.

⁸ Таунсенд Роберт – нью-йоркский предприниматель, ведущий член шпионской группы Калпера, работавший на генерала Джорджа Вашингтона в годы Войны за независимость Америки (псевдоним Калпер-юниор). Вел светскую хронику в газете *Тори* и держал кофейню, посетители которой выбалтывали ценную информацию о дислокации английских войск и планах командования.

⁹ Банкрофт Эдвард (1744–1821) – американский агент-двойник, сотрудничавший с англичанами, секретарь американского посла Франклина в Париже. Родился в Массачусетсе, в молодые годы находился на плантациях в Гвиане (Южная Америка). В 1766 г. приехал в Лондон, где учился в медицинском колледже. Тогда же сделался агентом Франклина, собирая сведения о планах англичан в отношении американских колоний. Вскоре был завербован английской секретной службой и передавал ей ценные сведения, войдя в 1776 г. в состав дипломатической делегации США в Париже, а затем став секретарем посла. Работал на обе стороны и после окончания Войны за независимость. В 1789 г. выехал в Ирландию. Написал несколько серьезных научных трудов. Разоблачен как английский агент лишь в 80-х годах XIX века.

¹⁰ Франклин Бенджамин (1706–1790) – американский государственный деятель и дипломат периода Войны за независимость Америки. Ключевая фигура первой службы внешней разведки – комитета по тайне переписки, созданного в 1775 г. В 1778 г. – посол во Франции, где собирал разведывательные сведения, склонил французов к заключению военного союза с Америкой и организовал поставку оружия и снаряжения американской армии через подставную фирму «Горталез».

Одним из важнейших документов в этом плане стала «Белая книга» канадской государственной комиссии, в которой были оглашены сведения о советском атомном шпионаже в Канаде во время Второй мировой войны. Вслед за ней появились публикации о судебных процессах в Англии, в частности, по делу Вассала¹¹, Австралии – по делу тайного агента Петрова (август 1955 года) и Швеции – по делу Веннерстрёма¹². Были, естественно, и американские публикации, и, в частности, по материалам работы комиссий, назначавшихся конгрессом.

В отличие от целого ряда писателей, специализировавшихся в области шпионажа, таких, например, как Ребекка Уэст и Алан Мурхед, отдававших в основном предпочтение воображению, материалы комиссий были абсолютно достоверными.

К сообщениям советской стороны о своих агентах следовало, однако, подходить весьма осторожно, чтобы отличить пропаганду от истины. Сам факт, что Советы, долго и упорно хранившие молчание по вопросам шпионажа, вдруг открыли зеленую улицу в своей прессе публикациям об этом, стал для нас полной неожиданностью. Характерный пример – история выдающегося советского разведчика Рихарда Зорге.

Когда Зорге в конце 1941 года был арестован японцами, русские и пальцем не пошевелили, чтобы как-то ему помочь. А ведь он предоставил Сталину информацию, в корне изменившую тогдашнюю стратегию советского руководства, о том, что японцы не планировали нападение на Советский Союз в 1941 году.

Только в 1964 году, через двадцать лет после его казни и абсолютного молчания о нем советской прессы, Зорге был «реабилитирован». Была издана его биография, прославлены подвиги, и даже выпущена почтовая марка. Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Причиной этого послужило, скорее всего, то обстоятельство, что в послевоенное время было столь много случаев провала агентуры, что потребовалась популяризация героев невидимого фронта.

Была ли его личность столь важна для советской стороны или нет, имя его, во всяком случае, дало ей возможность сыграть на эмоциях людей.

Ныне отмечается значительный рост числа секретных служб и усовершенствование методов шпионской работы, что вызвано необходимостью защиты демократий от тоталитарных режимов, с одной стороны, и воздействием результатов научно-технической революции – с другой. Более двух третей приведенных в данном сборнике материалов относятся к периоду Второй мировой войны и времен «холодной войны», поскольку секретные службы играли в них особенно заметную роль. В некоторых рассказах затрагивается проблема «железного занавеса», и это понятно – его существование затрудняло сбор материалов, их вывоз за пределы той или иной страны и контакты с агентурой.

В публикациях, помещенных в книге, я не ограничился только понятиями шпионажа и секретных служб, но и старался показать суть их деятельности во всех аспектах. Случаи, приведенные в некоторых из них, воспринимаются зачастую как провалы в работе секретных служб, но это не совсем верно. Ведь главное – способность человека использовать правильно и целеустремленно те вспомогательные технические средства, которыми его снабжают современные наука и техника.

---

¹¹ Вассал Уильям (родился в 1924 г.) – чиновник британского адмиралтейства. Сын священника, во время Второй мировой войны служил фотографом в ВВС. Затем – клерк военно-морского атташе Великобритании в Москве. Стал сотрудничать с советской разведкой, поддавшись на шантаж, поскольку был гомосексуалистом (псевдоним Вера). Арестован в 1962 г., приговорен к 18 годам тюремного заключения. Освобожден через десять лет.

¹² Веннерстрём Стиг (родился в 1906 г.) – полковник шведских ВВС. На военной службе находился с 1929 г. В 1939 г. – военный атташе в Москве. С 1940 г. – сотрудник разведуправления главного штаба вооруженных сил Швеции. В 1948 г. – снова в Москве, где начал сотрудничать с советской разведкой (псевдоним Орел). Сотрудничество продолжал и позже, занимая различные должности в НАТО и самой Швеции. Арестован в 1963 г. и приговорен к пожизненной каторге. Находясь под следствием, пытался покончить с собой. По некоторым сведениям, работал и на американцев.

Я, конечно, не могу поручиться за точность отдельных высказываний и оценок, даваемых авторами рассказов и историй, ибо это находится в первую очередь на их совести и характере восприятий. Но все они имели возможность ознакомиться с материалами по тому или иному делу – в качестве то ли участника событий, то ли наблюдателя или же исследователя. Во многих случаях мне пришлось, выделяя главное, сокращать тексты для экономии места.

Выпуском этого сборника я отнюдь не намеревался позабавить читателя развлекательными рассказами, порой авантюрного плана, а преследовал прежде всего цель раскрыть характер и особенности работы современных секретных служб, используя опубликованные в разное время и в различных странах материалы. Исходя из этих соображений, я разместил приведенные в книге истории по определенным категориям профессиональной агентурной деятельности. Каждая из них освещает тот или иной характерный аспект, на что я обращаю внимание читателя как в начале соответствующей главы, так и публикуемого рассказа.

Приношу благодарность всем авторам и лицам, которые предоставили в мое распоряжение материалы и оказали мне помощь в подготовке и издании данного сборника.

*А. Даллес*¹³

---

¹³ Даллес Аллен (1893–1969) – племянник одного и брат другого госсекретаря США. С 1916 г. – на дипломатической работе (Вена и Берн). Участвовал в работе мирной конференции в Версале. С 1922-го по 1926 г. возглавлял управление ближневосточной политики госдепартамента. С 1926 г. – сотрудник юридической фирмы. С 1942 г. – представитель управления стратегических служб США в Швейцарии, реально руководил американской разведкой в Европе (псевдоним Мистер Бул). С 1951 г. – замдиректора ЦРУ по агентурной разведке и тайным операциям. В 1953–1961 гг. – директор ЦРУ (имел прозвище Великий старик). И. Эренбург сказал про него: «Если Даллес по недоразумению попадет в рай, то и там станет устраивать заговоры и начнет отстреливать ангелов». Уйдя в отставку, работал в комиссии по расследованию обстоятельств убийства президента Кеннеди.

Глава 1

Внедрение агентуры

Если секретная служба намерена иметь сведения не только о численности вооруженных сил противника и их оснащении, но и о его планах и намерениях, недостаточно отсиживаться в кустах или подглядывать через заборы; не обеспечит нужной полноты информации даже использование воздушной и космической разведок. Необходимо проникнуть, попросту говоря, в логово противника и разобраться во всем изнутри, овладев его важнейшими планами и документами.

Секретная операция, цель которой – вербовка агентов на территории противника или проникновение туда собственной агентуры, определяется понятием «внедрение». Проблема эта весьма непростая, и агентам в целом ряде случаев приходится оставаться «на месте» длительное время, чтобы получить необходимые сведения. К этому добавляется и сложность их передачи в Центр, не говоря уже о необходимости соблюдать меры безопасности.

Ныне на всех важных объектах мира мероприятия по соблюдению секретности и контршпионажу столь сложны, что попасть туда постороннему человеку практически невозможно, даже если он придумает правдоподобную историю, будет безукоризненно владеть языком страны и сможет сойти за местного жителя. Гораздо большими возможностями обладают агенты, родившиеся в стране и хорошо знакомые с местными условиями, а возможно, и с самим объектом. В большинстве приведенных мной рассказов речь как раз идет о лицах, находившихся в нужное время в нужном месте и уже там завербованных.

По собственной практике могу судить, что лучшие агенты – это добровольцы, то есть люди, которых не удовлетворяют условия их жизни и работы и которые ненавидят существующую в стране политическую систему. Некоторые из них сотрудничают с разведкой и по материальным соображениям. Особую сложность при этом представляет возможность установить такими лицами контакты с секретной службой иностранного государства, которой они предлагают свои услуги. Ведь кроме всего прочего у них должны быть доказательства того, что они не являются так называемыми «подсадными утками» и не собираются вести двойную игру.

Один из моих лучших агентов периода Второй мировой войны, работник министерства иностранных дел Германии, о котором будет рассказано ниже, был воспринят Вашингтоном с очень большим недоверием при его первоначальном появлении. Нам стало известно, что немцы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы иметь свою агентуру в моем ведомстве, поэтому самый вероятный способ, каким они могли воспользоваться, – попытаться подослать ко мне человека, который представился бы противником нацизма и предложил нам свое сотрудничество. Когда же я убедился, что информация, полученная им в министерстве иностранных дел и доставленная через границу с риском для собственной жизни, представляет для западных стран исключительную стратегическую и политическую ценность, я твердо поверил в его надежность. Немцы конечно же не стали бы использовать сведения, которые могли нанести им колоссальный урон, в игре с целью внедрить к нам своего агента.

Ричард Колье Похищение секретного плана

Поскольку в 1943 году немецкое руководство стало считаться с реальной возможностью вторжения войск союзников в Европу, оно приняло решение о срочном строительстве оборонительных укреплений на Атлантическом побережье Франции, получивших название Атлантический вал¹⁴. Сооружение его было поручено так называемой «организации Тодта»¹⁵, которая использовала для этого местную рабочую силу. Этим-то и решило воспользоваться французское движение Сопротивления. Его участники, нанявшись на строительные работы, получали возможность знакомиться с сооружаемыми объектами немцев. В представлявшейся ими информации речь шла, естественно, о сведениях местного характера. О получении чрезвычайно важной информации, чему способствовал счастливый случай, – наш рассказ. Следует подчеркнуть, что доставить ее затем командованию союзников в Англии было делом не только сложным, но и опасным.

В начале мая на доске объявлений мэрии Кан появилось сообщение, отпечатанное черным шрифтом на желтом листе бумаги. Когда оно было вывешено, точно неизвестно. Во всяком случае, перед обедом 7 мая, в четверг, Рене Душе, подъехавший к мэрии на своем стареньком грузовичке, заметил его и прочитал. В нем говорилось, что «организации Тодта требуются маляры для проведения небольших ремонтных работ», и предлагалось желающим подработать записаться в мэрии. Конечный срок записи завершился в семнадцать часов прошедшего дня.

Другой на его месте никаких шагов предпринимать не стал бы – ведь опоздал. Но Душе, слывший пустомелей, был на самом деле, как говорится, себе на уме. Он прекрасно понимал, что в этой организации можно получить сведения, представляющие интерес для его товарищей. Ему тут же вспомнились жаркие солнечные дни в оккупированной немцами Лотарингии, когда он мальчишкой сидел в Нанси на пороге отцовского дома, а здоровенные блондины – немецкие солдаты – остановились, чтобы поболтать с ним. Смышленный парнишка немного понимал разговорную речь, а постепенно усвоил в определенной степени и чужой язык. Душе знал, что организация Тодта занималась строительством «вала», и из разговоров немцев между собой можно было бы извлечь много интересного.

Возможно, у него была и другая причина для действий. Позднее Арсен скажет про Душе: – Более всего он гордился тем, что мог водить немцев за нос, а те ничего не замечали.

«Попав к немцам, почему бы не подложить им какую-нибудь свинью, о чем затем можно рассказывать друзьям за рюмкой кальвадоса – во всяком случае, попытаться стоит», – так или примерно так рассудил Душе.

В мрачном вестибюле мэрии, выложенном метлахской плиткой, он навел необходимые справки, в результате чего обратился к некоему Постелю, начальнику отдела по гражданским делам. Тот пожевал губами и произнес:

---

¹⁴ Атлантический вал – система долговременных оборонительных укреплений, созданная немцами в 1940–1944 гг. на морском побережье от Дании до Испании (4 тысячи км). Представляла собой линейную схему укреплений без эшелонирования в глубину (отдельные укрепрайоны). Серьезного препятствия не представляла, хотя и оборонялась 27 дивизиями. Артиллерийское прикрытие – 1 батарея на 20 км фронта. К началу высадки союзников степень готовности «вала» составляла: на побережье Па-де-Кале 68 процентов, а на побережье Нормандии всего 18 процентов.

¹⁵ Организация Тодта – полувоенная правительственная организация, созданная в 1933 г. Занималась разработкой и строительством автомобильной и железнодорожной сети. Проектировала и вела строительство подземных командных пунктов, ставок и оборонительных сооружений, в том числе Западного вала, Атлантического вала и различных оборонительных полос. Возглавлялась Фрицем Тодтом, по имени которого и получила свое название, а с 1942 г. – министром вооружений и военной промышленности Альбертом Шпеером.

– Вы пришли поздно. Заявки следовало представить до исхода вчерашнего дня. – Немного подумав, добавил: – Хотя, собственно, это еще ничего не значит. Вы можете обратиться туда и непосредственно.

По рассказам самого Душе, далее произошло следующее.

Поскольку чиновник не мог ему сказать, к кому конкретно следует обратиться, Душе сел в свою автомашину и поехал на авеню де Богатель, свернув влево на первом же перекрестке. «Строительное управление» организации Тодта в Кане являлось филиалом главного управления этой организации в Сен-Мало и располагалось в трех зданиях в центре города. В двух находились различные административные отделы, а в третьем – технический отдел, занимавшийся изготовлением карт и схем, а также заключением договоров на поставку необходимых строительных материалов и осуществление работ. Душе, направлявшийся как раз к этому четырехэтажному массивному зданию с окнами, обрамленными каменными пилястрами, не знал, что оно было самым важным.

В пятидесяти метрах от главного входа в здание улица была ограждена забором из колючей проволоки. Около него Душе припарковал свою машину и вылез, дружески улыбаясь. Из постовой будки, окрашенной черными и белыми полосами, вышел часовой и, взяв винтовку на изготовку, крикнул: «Стой!» Душе, продолжая широко улыбаться, направился к нему. Часовой, сунув дуло винтовки ему в бок, крикнул еще раз: «Стой! Пропуск!»

Душе объяснил, что он пришел по объявлению устраиваться на работу, но часовой не понял его ломаного немецкого языка и дал знак убираться. Заинтересовавшись этой сценкой, к ним подошел другой часовой, стоявший у входа, дабы посмотреть, что происходит. Чтобы пояснить свое намерение, Душе, как в театре, стал изображать движения маляра, воспользовавшись стенкой будки. О том, чем обернется его выдумка, он не мог себе и представить. Сначала он получил такую оплеуху, что едва устоял на ногах, а затем его пинками сопроводили в комнату находившуюся прямо у входа на первом этаже.

Там на него обрушилась гневная словесная лавина по-немецки, из которой он не смог ничего понять, так как говорили очень быстро. Появившийся в комнате какой-то начальник – обербауфюрер с моноклем в глазу, довольно сносно изъяснявшийся по-французски, – спросил ледяным тоном, понимает ли он, какому наказанию его могут подвергнуть за шарж на фюрера¹⁶. Душе недоуменно посмотрел на того, пока, наконец, до него не дошел смысл сказанного. Взяв себя в руки, он попытался объяснить, что у него и на уме-то не было никакого намерения нанести оскорбление немецкому фюреру и что он – маляр, пришедший сюда, чтобы устроиться на работу. Рассмеявшийся немец отослал часовых и вызвал офицера, занимавшегося ремонтными работами.

Тот повел его по неусланной ковром лестнице двумя этажами выше. В мирное время это был жилой дом преуспевающего коммерсанта. Появившиеся в нем железные шкафы для документов, щелканье каблук сапог и лающие возгласы «Хайль Гитлер!» составляли грубый и гнетущий контраст с изящными фресками и колоннами. Господин обербауфюрер объяснил Душе, что речь идет о несложной работе, а именно о переклеивании обоев в двух служебных помещениях на втором этаже. Может ли Душе представить смету расходов?

---

¹⁶ Мазилка и Маляр – такие уничижительные прозвища ходили в народе о заурядном художнике Адольфе Гитлере (1889–1945). Уроженец Браунау (Австрия). Родился в крестьянской семье (настоящая фамилия Шикльгрубер). Участник Первой мировой войны – ефрейтор (санитар и связной). В 1919 г. вступил в немецкую рабочую партию, выдвинувшись через 2 года в ее руководство. В 1920 г. опубликовал программу из 25 пунктов и переименовал партию в НСДАП. В 1923 г. предпринял попытку государственного переворота – «пивной путч». Провел в тюрьме 9 месяцев, где написал «Майн кампф». Получив поддержку промышленников, был в 1933 г. провозглашен канцлером. В 1934 г. объединил посты канцлера и президента, объявив себя фюрером. С первых же шагов проводил агрессивную политику – выход из Лиги Наций в 1933 г., создание вермахта в 1935 г., захват Рейнской демилитаризованной зоны в 1936 г., присоединение Австрии в 1938 г., захват Чехословакии в 1938 г., нападение на Польшу в 1939 г., оккупация Европы в 1940 г., «крестовый поход» против большевизма – нападение на Советский Союз в 1941 г. Покончил жизнь самоубийством 30 апреля 1945 г. при штурме Берлина советскими войсками.

В голове Душе торопливо завертелись шарики. Он соображал, какой примерно счет могли представить его возможные конкуренты. Так как работа была небольшая, а ремесленники, хорошо себя зарекомендовавшие, могли рассчитывать на получение новых заказов, то, скорее всего, они запросили небольшую сумму. За просто спасибо работать они, конечно, тоже не согласились.

Учитывая эти соображения и надеясь на возможность получить информацию, полезную для подпольщиков, Душе, осмотрев помещения, назвал сумму в двенадцать тысяч франков, что наверняка должно было быть на добрую треть менее суммы, запрошенной вероятными конкурентами. Прежде чем молодой офицер открыл рот для ответа, Душе понял, что получит этот заказ.

– Представьтесь господину Шнеддереру, производителю работ, – сказал офицер.

Душе ни тогда, ни позже так и не понял, какой интерес представлял лично для Шнеддерера ремонт этих помещений. Некоторые события в последующем привели его, однако, к мысли, что производитель работ, по всей видимости, считал себя в душе непризнанным архитектором по интерьеру. Это был неуклюжий человек с большой лысиной на голове и глубоким шрамом на правой щеке. В форме организации Тодта с украшенным серебром воротом и повязкой со свастикой на рукаве, он принял нашего маляра в своем служебном кабинете на втором этаже. Разговор пошел об оформлении стен рисунками с изображением голубых всадников на желтом фоне или серебряных орудий на голубом косогоре.

Найти подходящие обои и все необходимое было чрезвычайно трудно, но Душе пообещал уже завтра принести соответствующие образцы. Остаток дня он провел за изучением каталогов, а вечером в кафе для туристов встретился с небольшого росточка человеком по фамилии Дюме, бывшим владельцем гаража, и красноволосым Дешамбре, жестянщиком, которым рассказал о полученной работе в организации Тодта и представляющейся возможности извлечь из этого определенную пользу.

Дюме отнесся к его сообщению с восторгом, но попросил быть осторожным. Душе с пляшущими чертиками в глазах возразил:

– Послушай-ка, дорогой друг, ведь я – Душе и могу проделать с немцами такие штуки, на которые никто другой не способен. А почему? Да просто потому, что они будут принимать меня за законченного идиота и вести между собой разговоры, не обращая на меня никакого внимания. И должен заметить, что они довольно болтливы.

Сидя в уголке за рюмкой коньяка, Душе заметил Альберта и вежливо кивнул ему. Альберт был пожилым немецким капитаном, настоящего имени которого никто не знал. Он был единственным немцем, посещавшим это кафе. Подпольщики поначалу его побаивались и обходили кафе стороной, однако целый ряд проверок показал, что он не говорил ни слова по-французски и ни бельмеса не понимал.

Как это ни прозвучит странно и даже вопреки здравому смыслу, однако Душе и его товарищи были даже рады появлениям Альберта в кафе. Его присутствие служило своеобразным прикрытием, и подпольщики, собравшись, обсуждали свои дела беспрепятственно. Несколько застенчивый и уже немолодой немец, казалось, в свою очередь находил определенное удовлетворение, находясь в обществе французов – мелких торговцев и ремесленников, собирающихся поболтать за бокалом «ординарного».

В пятницу 8 мая игра началась.

Вскоре после десяти часов утра Душе прибыл в здание организации Тодта. На этот раз его пропустили без проволочек и провели к Шнеддереру. Тот сразу же занялся каталогами, а когда ему попалось что-либо по его вкусу, издавал довольное мычание. Душе почтительно стоял около его большого письменного стола, на котором лежали ворохи различных бумаг. Когда Шнеддерер стал обсуждать с ним достоинства и недостатки двух отобранных им образцов, в

дверь постучали. Продолжая перелистывать страницы каталога, производитель работ крикнул: «Войдите!»

Молодой дежурный офицер, которого Душе до этого не видел, вошел в кабинет, щелкнул каблучками и воскликнул: «Хайль Гитлер!»левой рукой он прижимал к своему боку целую стопу каких-то документов. Даже не взглянув на него, Шнеддерер распорядился:

– Положите папки на стол. – После короткой паузы добавил: – Благодарю вас, обербау-фюрер, я их как раз ждал.

Отложив в сторону каталог, он стал открывать принесенные папки одну за другой. Уголками глаз Душе увидел, что это были не бумаги, а карты.

Душе стоял тихо, как мышка, не спуская глаз со стола, и вскоре заметил, что Шнеддерер, внимательно рассматривавший карты, про него на какой-то момент забыл. Изобразив на своем лице глупую улыбку, он сделал вид, что смотрит в окно. Сердце его бешено колотилось. Откинув назад голову, производитель работ приподнял часть карты, чтобы получше рассмотреть интересовавший его участок, не раскрывая ее всю, так как она была довольно длинной. Сквозь оборотную сторону бумаги Душе рассмотрел знакомые ему участки местности с нанесенными объектами, правда, в перевернутом виде, хорошо распознав береговую линию от устья Сены до пляжей Трувиль и Довиль.

Душе понял, что перед ним специальная карта побережья Нормандии, и от этой мысли его бросило в жар.

Ошеломленный открывающимися перед ним возможностями, он увидел, как Шнеддерер, сложив карту, положил ее поверх других папок и отодвинул их на левый край стола, где стоял Душе, а сам опять обратился к каталогу. Однако в дверь снова постучали, и вошел какой-то строевой офицер, что-то кратко доложивший, но что именно, Душе так и не понял. Как бы то ни было, Шнеддерер встал из-за стола, повернулся спиной к Душе и открыл дверь в соседнюю комнату (дверь находилась прямо около стола). По окончании доклада офицер повернулся и вышел из кабинета. Держась одной рукой за косяк двери, Шнеддерер, все еще находясь спиной к письменному столу, стал что-то диктовать писарю в соседней комнате.

Душе продолжал стоять столбом около письменного стола, на котором на расстоянии протянутой руки лежали карты. Осторожно, двумя пальцами, как бы касаясь раскаленной конфорки на плите, он приподнял верхнюю карту. Это был экземпляр, изготовленный на мимеографе на специальной бумаге для карт темно-голубого цвета, в углу которого большими красными буквами была сделана надпись: «Строго секретно – чертежи». На какое-то мгновение Душе впал в полуобморочное состояние: карта была слишком большой и раскрыть ее не представлялось возможным, но он уже понял, что на ней изображены крепостные сооружения. Определить их характер у него не было времени. В глаза ему бросились слова: «блокгауз» и «срочная программа».

В страхе Душе посмотрел на Шнеддерера: тот продолжал диктовать. Мозг Душе сверлила мысль: «Возьми ее, осел, возьми же. Другой такой возможности может не представиться. Давай же, пока он не видит...»

Сделав три бесшумных шага назад от письменного стола, он продолжал держать карту в руке, застыв около камина... Нет, камин не подходит... однако над ним висело большое тяжелое зеркало в резной позолоченной раме подобно художественной картине, написанной маслом. Правой рукой он засунул карту за зеркало по длине, положив на окантовку, чтобы она не выпала оттуда. Затем тихо возвратился на прежнее место у стола. Позднее он рассказывал, что стал мокрым от пота и полумертвым от страха, так как если бы Шнеддерер обнаружил пропажу – вне зависимости от ценности карты, – это наверняка стало бы последней смелой выходкой Душе.

Теперь ему оставалось ждать, пока Шнеддерер не закончит диктовку. Это были самые трудные минуты в его жизни, ибо он не смог в короткое время сконцентрировать свои мысли

и оценить свой поступок, а тем более продумать возможные отговорки. Ему даже не пришло в голову попытаться выяснить, находились ли в стопке папок и другие карты. Если карта была одна, то ее пропажа будет обнаружена сразу же, и он не успеет даже выйти из здания. У него, конечно, была надежда в один из последующих дней незаметно извлечь карту из укрытия, пока же его тревожила лишь одна мысль – сможет ли он живым покинуть этот дом.

Задумавшись, он не заметил, как Шнеддерер закрыл дверь соседней комнаты и сел на свое место за письменным столом. Выбрав два образца обоев, он сказал:

– Стало быть, в понедельник.

Душе был отпущен. Шнеддерер снова уткнулся в бумаги, даже не посмотрев на карты. Стало быть, пока у него не возникло никакого подозрения.

Ноги Душе от страха едва передвигались, когда он спускался по лестнице. Он ожидал каждую секунду, что его вдруг схватят за шиворот или даже выстрелят в спину. Но ничего не произошло. Отправившись в кафе, чтобы пропустить заслуженную рюмочку, он почувствовал, что постарел на несколько лет.

Через несколько часов гнетущее чувство страха исчезло, и он стал почти прежним Душе. Перед тем как вечером снова направиться в кафе, когда дети – одиннадцатилетний Жаке и трехлетняя Моника – были уложены спать, Рене рассказал своей жене, мягкосердечной, но бравой Одетте о происшедшем. Та, привыкшая к непредсказуемым выходкам мужа и относившаяся к нему как мать к проказнику-мальчишке, сказала просто и на полном серьезе:

– Это великолепно.

Вспоминая об этом позже, она призналась, что не была даже слишком всем этим удивлена, сказав лишь:

– Он постоянно совершает всевозможные выходки.

В те дни ее в большей степени заботило то, как уговорить Рене есть более или менее регулярно. Война сказывалась на нем в гораздо большей степени, чем можно было думать, глядя на него. Если ей не удавалось положить ему кусочек холодной курицы, то он обычно, перекусив немного, отодвигал тарелку в сторону, говоря:

– Прости, дорогая, но я сегодня не голоден.

Глядя ему вслед из окна своего старомодного дома, на его своеобразную покачивающуюся походку, когда он шел по двору в сторону кафе, она думала: «А ведь он так и не стал взрослым мужчиной».

И она не была совсем уж не права. В тот вечер в кафе Душе чувствовал себя героем, приглашая всех друзей выпить за его счет, не без гордости сообщая каждый раз:

– Знай, что я сегодня пережил нечто из ряда вон выходящее. Да, да, в предобеденное время, когда я был у производителя работ организации Тодта...

Душе повезло с друзьями. Никто из них не ставил его похвальбу под сомнение – трепло есть трепло. До самого полицейского часа с полдюжины членов подпольной группы выслушивали в разных вариациях его рассказ. Смеялись, потому что никто ему просто не поверил. Одноглазый жестянщик Арсен, например, посчитал все это пустой выдумкой. А Роберт Тома, молодой слегка застенчивый блондин, высказался и вовсе более определенно:

– У него всегда в голове одни глупости.

Деваврэн потом сказал, что работа подпольной организации без подобной болтовни могла бы осуществляться более эффективно, однако был вынужден признать: без смелых, порой безрассудных выходов она вряд ли принесла бы большую пользу.

Ночью Душе спал спокойно. Продумав свои дальнейшие действия, он решил в понедельник зайти под каким-нибудь предлогом к Шнеддереру, рассчитывая, что какой-то случай вдруг подвернется и он сможет извлечь спрятанную карту. Одетта же почти не спала. Зная, что через два дома от них жили два гестаповца, она в испуге думала, когда свет фар проезжавших мимо автомашин падал в окно спальни: «Не к нам ли?» Или когда проезжавшая автомашина при-

тормаживала, у нее сразу же возникала мысль: «Видимо, это к нам». Секунды в таких случаях казались ей вечностью, и она горячо молилась:

– Боже, дорогой и всемогущий, пусть они не придут к нам, к детям!

Когда шаги на улице затихали и наступала тишина, Одетта чувствовала себя разбитой.

В понедельник, в половине девятого утра, Душе направился к зданию организации Тодта с двумя ведрами, малярными кистями и несколькими рулонами обоев. Он намеревался начать работу пораньше, чтобы освободиться часа в четыре дня и иметь вечером больше свободного времени. Людей в здании было еще мало – только писари да связные. Часа два он трудился безостановочно, отмыв стены до штукатурки и намазав их клеем. При этом он гнусаво распевал песни, пока не прибежал посыльный и не потребовал замолчать.

Маляр рассыпался в извинениях, затем сказал:

– Если это будет угодно господину производителю работ Шнеддереру, я хотел бы с ним переговорить.

Посыльный иронически ухмыльнулся:

– Тогда вам придется сесть на поезд и отправиться в Сен-Мало.

Душе воспринял его слова как зажегшийся зеленый свет светофора. Следовательно, в кабинете Шнеддерера никого не было.

– Дело-то, собственно, не очень срочное, – примирительно произнес он. – А когда он должен возвратиться?

– Возвратиться? – повторил тот, посмотрев на маляра свысока. – Сюда он уже не вернется. Его направили в другое место. Вместо него назначен производитель работ Келлер.

Душе в этот момент как бы ударило током.

Посыльный посмотрел на него с любопытством и ушел. Остаток дня маляр молчал, пребывая в гнетущем состоянии. Позже он рассказывал, что у него мелькнула мысль, не связан ли внезапный отзыв Шнеддерера с пропажей карты. А если так, то его должны были арестовать и допросить. Душе не знал, как ему быть. Обнаружена ли вообще пропажа карты? Если нет, то как ему выйти с ней из здания, пока еще есть время.

Следующие сутки он провел в раздумье, ни с кем не советуясь, даже с Одеттой, что вообще-то было ему свойственно, когда он разрабатывал какой-нибудь серьезный план. Во вторник он продолжил свою работу, приступив к выполнению намеченной операции, для чего попросил прийти молодого обербауфюрера, ведавшего ремонтными работами. Когда тот появился, Душе спросил, готов ли производитель работ Келлер к тому, чтобы он приступил к делу.

– Это к какому такому делу? – поинтересовался офицер.

– К оклейке его кабинета обоями, как было обусловлено с Шнеддерером, – спокойно ответил Душе. – Производитель работ Келлер должен, я полагаю, знать об этом.

Ему пришлось ждать с полчаса, пока офицер навел справки. Возвратившись, он сказал, что Душе, по всей видимости, ошибается, так как в заявке сказано только о работах в двух кабинетах второго этажа.

– В заявке этого, видимо, нет, – согласился Душе. – Дело в том, что производитель работ Шнеддерер принял такое решение в последнюю минуту, сделав пометку в записной книжке.

Чтобы решить этот вопрос, офицер сделал знак Душе следовать за ним, и они направились наверх. Через несколько минут маляр с сильно бьющимся сердцем находился в кабинете, где было положено начало его приключению. Там все выглядело, как и прежде. Для выяснения дела был приглашен какой-то унтер-офицер, скорее всего бывший писарь Шнеддерера, но тот ничего не знал. Их разговор был прерван возгласом только что вошедшего в кабинет производителя работ Келлера:

– О каких это обоях идет разговор?

После дополнительных разъяснений Келлер произнес резко (в тоне его Душе, однако, уловил некоторые нотки сожаления), что бюджет отдела не позволяет в настоящее время проведение дополнительных работ. Тогда Душе сказал, что, видимо, произошло какое-то недоразумение, ибо он в качестве проявления доброй воли согласился оклеить этот кабинет обоями бесплатно, а господин Шнеддерер оказал ему честь, согласившись с его предложением. Так что решение этого вопроса зависит от преемника производителя работ.

На лице Келлера появилась довольная улыбка, он хлопнул Душе по спине и произнес на ломаном французском языке:

– А вы – неплохой француз.

Затем добавил, что в этот день ремонт начинать нельзя, и спросил, сколько времени для этого понадобится. Душе, быстро прикинув объем работ, ответил:

– Два дня.

Когда Келлер распорядился освободить помещение после окончания рабочего дня, Душе, вмешавшись, пояснил, что этого и не требуется. Если мебель сдвинуть на середину кабинета, он сможет спокойно работать, а чтобы ее не перемазать, накроет тряпками.

В среду 13 мая Душе появился в кабинете и приступил к работе.

Вечером около пяти часов в Кан из Ле-Мана приехал представитель Центра Жирар, намеревавшийся встретиться с Душе, как это было обговорено заранее. О деле с картой и о том, что он получил временную работу в организации Годта, Жирар ничего не знал. Не имел он и никакого представления о событиях, произошедших в кафе для туристов за час до его приезда.

В послеобеденное время несколько постоянных посетителей кафе сели за столик поиграть в домино. Это были жестянщик Дешамбре, бывший владелец гаража Дюме и страховой агент Харив. Душе еще не появился, но разговор собравшихся пошел о карте, которую, как утверждал тот, ему удалось спрятать, и о том, каким образом ее можно было бы оттуда забрать. Поскольку Душе славился умением побалагурить и похвастаться, Дешамбре сомневался в его искренности. Дюме, постоянно поддерживавший своего друга, и на тот раз вполне ему верил.

Харив, спокойный и уравновешенный человек, только барабанил пальцами по крышке стола, когда собеседники обменивались мнениями, как лучше заполучить эту карту, мало в то же время рассчитывая на успех. Вдруг на них пала какая-то тень, и они инстинктивно понизили голоса. Это был Альберт, который, сняв утепленную офицерскую шинель, повесил ее на стоячую вешалку, заказал рюмку коньяку и присел за отдаленный столик.

Троица не знала об ожидавшемся приезде Жирара и собралась уже уходить, когда в кафе появился Душе.

Увидев его, Харив предложил сыграть еще одну партию в надежде услышать от самого Душе про карту, которая не выходила у него из головы. Хотя они и поприветствовали Душе, тот, видимо, из-за Альберта не торопился к ним присоединиться. Он заказал себе у стойки бара рюмку кальвадоса, затем не торопясь повесил свое перемазанное краской пальто на стоячую вешалку и только после этого подсел к троице за столик.

– Шестерка дубль, – произнес Дешамбре, выкладывая на стол костяшку, и обратился к Душе: – Привет, Рене, как дела, мой дорогой друг?

– Все хорошо, – ответил тот, дружески кивнув, но тут же встал и пошлепал к входной двери.

Троица молча переглянулась. Они не видели, что маляр делал у двери, однако любопытство их так и распирало.

Душе посмотрел вдоль улицы в сторону цветочного базара, где загорелые крестьянки продавали в корзинах красные, синие и белые анемоны-ветреницы. Он стоял довольно долго, явно радуясь послеобеденному солнцу.

Насвистывая по своему обыкновению довольно немзыкально какую-то песенку, он возвратился в зал, сказав друзьям:

– Я сейчас же к вам вернусь, мне нужно только взять из пальто сигареты.

Когда он, наконец, к ним присоединился, Харив, не отрываясь от игры, произнес:

– Мы уже целый час обсуждаем, как лучше изъять карту из осинового гнезда. Естественно, если такая вообще существует. Твой ход, Дешамбре.

– Пропускаю, – отозвался тот.

– А карта уже у меня, – небрежно бросил Душе.

Никто не произнес ни слова. Рука Дешамбре застыла с костяшкой домино в пальцах. Невольно, как по команде, все посмотрели в сторону немецкого капитана. Альберт даже не пошевелился.

– Бога ради, не здесь же? – запинаясь вымолвил Харив. – Тебе надо уходить...

– Но не сейчас, – спокойно возразил Душе. – На улице шныряют гестаповцы. Не остается ничего другого, как переждать... играя в домино.

– А что они здесь вынюхивают? – тихо спросил Харив. – Не подозревают ли они тебя?

– Не думаю. Вероятно, это – обычное патрулирование. Пропажу карты там еще не обнаружили, хотя это и кажется мне несколько странным. Внимание, друзья... вот и они.

Все склонились над столом, глядя на домино. Никто из них не осмеливался даже посмотреть вокруг. Позже Душе уверял, что слышал, как к кафе подъехала машина и притормозила, уж этот-то звук он всегда отличит от всех остальных уличных шумов. В голове каждого билась мысль: «Они идут... уже вошли...»

Минуты ожидания тянулись. Первым поднялся Душе, подошел к стойке и заказал еще кальвадос. При этом он прислонился к стойке так, чтобы видеть входную дверь и улицу. Через некоторое время кивком он дал понять друзьям, что полицейская машина исчезла. Все облегченно вздохнули.

– Ну а теперь, – когда маляр возвратился к столу, произнес Харив, – теперь расскажи нам, как все было.

В эту минуту Альберт допил свою рюмку и встал. Душе тоже вскочил и почти столкнулся с капитаном у вешалки. Извинившись, он снял с крючка шинель офицера и помог ему одеться. Альберт поблагодарил его коротким кивком, пожелал хозяйке доброго вечера и вышел.

Почти сразу же в кафе ввалилась целая ватага немцев, сгрудившаяся у стойки. А через пять минут появился Жирар и, увидев Душе, шумно его поприветствовал. Согласившись выпить рюмку коньяку, он присел на краешек стула, готовый в скором времени уйти, так как собирался в этот же день возвратиться в Париж, а до отхода поезда оставалось не так уж и много времени. Отпив глоточек коньяка, он спросил Душе:

– Что у вас для меня?

Душе просиял, но не отказал себе в удовольствии придать своему сообщению большую важность, сказав:

– Во-первых, целая куча донесений от П-1, весьма важных.

Жирар одобрительно кивнул без особых эмоций.

– А кроме того – карта немецких укреплений, которую я прихватил в организации Тодта.

Жирар, казалось, подпрыгнул от неожиданности:

– Всемогущий Боже, как это вы ее заполучили? Пришлось, видимо, совершить кражу со взломом?

С ухмылкой Душе поведал ему о своей проделке. Дело значительно упростилось, когда производитель работ Келлер клюнул на его наживку. До зеркала никто не дотрагивался, так что карта спокойно лежала там, куда ее спрятал Душе.

– А потом, – закончил он простодушно свой рассказ, – я сунул ее в ящичек с кистями и был таков.

Наступило неловкое молчание. Затем Жирар произнес резко:

– И вы принесли ее сюда, вместо того чтобы спрятать в надежном месте? Да вы просто сумасброд. А теперь быстренько передайте ее мне вместе с остальной информацией, пока не поздно.

Сидевшие за столом увидели, как в руках Душе появился толстый конверт, который он передал Жирару, не обращая никакого внимания на немцев, сгрудившихся у стойки. Тот с трудом засунул его во внутренний карман.

– Чем раньше все это окажется в Париже, тем лучше. Но в следующий раз, пожалуйста, будьте, ради бога, благоразумны. Если бы гестаповцы появились в кафе и обнаружили этот конверт у вас, нам всем бы несдобровать.

Душе с дружеской улыбкой и без всякого смущения возразил:

– Они у меня ничего бы не обнаружили.

– Как это так?

– Когда я заметил на площади гестаповцев, то пошел за сигаретами и незаметно засунул конверт в карман шинели Альберта, где он находился бы в полной безопасности, даже если бы гестаповцы и вошли в кафе. Как только он собрался уходить, я разыграл любезного джентльмена, помог ему одеться и вытащил при этом конверт из кармана его шинели. Ведь нельзя же было допустить, чтобы наш добряк Альберт был расстрелян за шпионаж. – На лице Душе появилась озорная улыбка, и он закончил свой рассказ словами: – Вот, собственно, и вся история, друзья.

– То, что вы – сумасброд, в этом нет никакого сомнения, – сказал сурово и с оттенком недовольства Жирар, но тут же, однако, добавил добродушно: – Так же, как нет никакого сомнения и в том, что вы обладаете большим мужеством.

Эдвард Морган Агент, так и не обнаруженный нацистами

Управление стратегических служб – американская секретная организация возникла в 1942 году вскоре после Перл-Харбора, ее возглавил генерал Уильям Донован¹⁷. Свои задачи по сбору информации и ее оценке управление выполняло, используя секретные операции, шпионаж и контршпионаж, военные и партизанские действия совместно с политическим и психологическим ведением войны. Ее сотрудники работали под псевдонимами и отчасти под прикрытием дипломатических служб во многих столицах нейтральных и союзных государств. Будучи представителем этого управления в Швейцарии, я столкнулся непосредственно с событиями, описываемыми в данном рассказе. Ведет его американский журналист Эдвард Морган о человеке, работавшем под псевдонимом Джордж Вуд¹⁸.

В 1942 году Джеральд Мейер, сотрудник американского посланника в Берне, получил несколько необычное задание. С одной стороны, он должен был возглавить отдел ведения психологической войны управления военной информации, который занимался разбрасыванием листовок за линией немецкого фронта и ведением радиопередач из различных стран, исключая Швейцарию, на Германию. С другой же – ему поручено было сотрудничать с Алленом Даллесом, тогдашним шефом американской секретной службы в нейтральной Швейцарии.

Утром 23 августа 1943 года Мейер сидел в своем кабинете в здании американкой миссии в Берне, просматривая кипу обычной почты, когда секретарша доложила ему о приходе некоего мистера Брауна. В то время Берн – как Лиссабон, Мадрид и другие столицы нейтральных государств – буквально кишел агентами, контрразведчиками и различными темными личностями, многие из которых были подобны сомнительным чекам. В задачу Мейера входило, в частности, отделение зерен от плевел. Откровенно говоря, он сам, да и Даллес в глазах нейтральных швейцарцев были потенциальными шпионами, которые постоянно нарушали законы страны, однако власти лишь молча наблюдали за столкновениями сторон. Американский посланник предупредил сотрудников управления стратегических служб, что они в случае каких-либо осложнений не должны ссылаться на дипломатическую неприкосновенность.

Мейер никогда не слышал о докторе Брауне, но казал секретарше, что примет его, добавив:

– Предупредите его, что у меня всего несколько минут свободного времени.

Доктор представился как друг одного банкира, с которым Мейер бегло познакомился несколько месяцев тому назад в Базеле, и сообщил, что именно он и направил его к Мейеру.

О самом себе он рассказывал сбивчиво и несколько путано. Он – немец, но с гитлеровским режимом порвал, сейчас гражданин одного из южноевропейских государств.

– Я уже давно, – сказал он, – пытаюсь установить контакт с союзниками, уверен, что именно они станут победителями, и желаю сделать все возможное, чтобы ускорить эту победу. Моя мотивация – альтруистическая, просто после войны я намерен вновь заняться своими довоенными делами.

---

¹⁷ Донован Уильям (1883–1959) – генерал-майор, начальник управления стратегических служб США, предшественника ЦРУ. По образованию юрист, в 1914 г. работал адвокатом. Участник Первой мировой войны, командир батальона, трижды ранен. В 30-х годах – посол для особых поручений при президенте Рузвельте (поездки по Европе и Дальнему Востоку). В 1941 г. – начальник службы внешней разведки. В 1942 г. – начальник управления стратегических служб, которое было ликвидировано президентом Трумэном после окончания войны. На Нюрнбергском процессе был заместителем прокурора. В 1953 г. – посол в Таиланде. Умер, уйдя в отставку.

¹⁸ Фамилия агента, скрывавшегося под псевдонимом Джордж Вуд, Фриц Кольбе. Он являлся сотрудником телеграфного отделения германского МИД. Передал американцам более 1200 документов.

Мейер принял посетителя за коммерсанта, попавшего в черный список и старающегося войти в контакт с американцами, чтобы разблокировать замороженные средства. В Швейцарии таких типов хватало. Решив поскорее от него избавиться, Мейер попросил его перейти к делу.

В ответ доктор достал продолговатый конверт из внутреннего кармана своего плаща, извлек из него несколько листов бумаги и, расправив их, положил на стол перед Мейером. Тесты были напечатаны по-немецки, а в верхнем углу каждого листа стояла надпись «секретно». Это были документы, адресованные в министерство иностранных дел и подписанные Папеном, Абетцем и Нойратом, а точнее – копии телеграмм из немецких посольств в Анкаре, Париже и Праге на имя имперского министра фон Риббентропа.

Из Парижа Абетц сообщал о планах засылки с помощью вишийского правительства немецкой агентуры через Алжир в США и Северную Африку – в тылы английских войск. Нойрат докладывал об обстановке в Чехии. Несмотря на жесточайшие расправы с населением в качестве возмездия за убийство Райнхарда Гейдриха¹⁹ – «палача» Праги, немцы и спустя год опасаются, что чешское движение Сопротивления не сломлено. В Праге начинает поднимать голову оппозиция. Фон Папен из Турции извещал Берлин о попытках англичан засылать своих наблюдателей на Балканы через Стамбул.

Если эти сведения подлинные, то они имеют большую ценность. Мейер, стараясь не показывать своего волнения, спросил доктора, откуда у него эта информация.

Доктор молча посмотрел на него, затем тихо произнес:

– Из этого источника есть еще и другая информация. Я выступаю лишь в качестве посредника моего друга, работающего в немецком министерстве иностранных дел. Он сейчас в Берне. А приехал вчера, якобы в командировку, используя это как предлог. Он ищет возможность вступить в контакт с союзниками. Я знаю его уже долгие годы. Могу вас заверить, что он стопроцентный антинацист и решил работать против Гитлера на собственный страх и риск. Ему хотелось бы познакомиться с вами лично. В знак доброй воли он и послал эти документы. Кое-какие сведения у него есть еще, их он тоже может вам передать.

Мейер попросил подождать в приемной и, извинившись, спешно помчался к Аллену Даллесу. В кабинете шефа он показал документы и рассказал о происшедшем. Возможность вступить в контакт с сотрудником министерства иностранных дел, сидящим в центре Берлина, и получить доступ к секретам нацистского режима, казалась невероятной. Скорее всего, это смахивает на ловушку.

– Усматриваю в этом три вероятности, – подумав, ответил Даллес. – Первая: немцы могут попробовать расшифровать наш секретный код, надеясь, что мы немедленно передадим полученные сведения в Вашингтон. А поскольку они прослушивают все швейцарские радиопередачи, в том числе и рекламные, они засекут и наши шифровки. Поскольку содержание им будет известно, то им не составит большого труда найти и ключ к нашему коду. Второе предположение: наш друг – агент-provokator. Передав нам информацию, он донесет в швейцарскую полицию, и нас вышвырнут отсюда за шпионаж. Третья, наименее вероятная возможность: человек говорит правду.

Мейер сказал, что считал бы целесообразным проверить именно это предположение, поскольку доктор произвел на него впечатление искреннего человека. Даллес заявил о своем согласии продолжать игру по крайней мере до тех пор, пока они сами не увидят добровольца из министерства и не составят о нем свое мнение.

Мейер сбежал по лестнице и сообщил доктору Брауну, что готов встретиться с его приятелем сегодня же вечером на своей квартире. Приезжий как раз собирался поужинать с одним

---

¹⁹ Гейдрих Райнхард (1904–1942) – обергруппенфюрер СС, главный инициатор создания концлагерей. Родился в Галле в семье директора консерватории. В 1924–1931 гг. служба в ВМФ – обер-лейтенант. С 1936 г. шеф главного управления имперской безопасности. Убит в Праге подпольщиками.

из коллег по министерству иностранных дел, после чего мог совместно с доктором Брауном прийти на встречу в полночь. Через полчаса к ним инкогнито собирался присоединиться Даллес. Мейер проживал в городском районе Кирхенфельд на берегу Аары, в центре дипломатического квартала. Он нарисовал схему и передал ее доктору, чтобы тот мог без лишних распросов найти нужный дом.

Нейтральная Швейцария представляла собой тогда изолированный остров в бурном потоке событий войны, будучи со всех сторон окруженной странами оси. Поэтому американская миссия могла поддерживать связь с Вашингтоном только по радио. Иногда американцам удавалось контрабандным путем передавать в Лиссабон накопившуюся информацию через некоего посредника мавританского происхождения по прозвищу Паук. Путь этот был, однако, ненадежным и мог использоваться лишь время от времени. Поэтому нужно было срочно изыскать новые возможности как получения, так и передачи сведений. К тому же Вашингтон засыпал миссию неотложными вопросами. К тому моменту Муссолини²⁰ был свергнут в результате бурных событий в Риме, шла подготовка к высадке союзных войск на юге Италии, англичане ночью, а американцы и днем непрерывно бомбили Германию. Так что возможность заглянуть, как говорится, в замочную скважину и увидеть, что творится в Берлине, была как никогда кстати.

В оставшееся рабочее время Мейер постоянно возвращался в мыслях к завязывающейся истории и никак не мог сосредоточиться на проблемах психологической войны. Поужинав в одиночку, он направился в свои холостяцкие апартаменты, расположенные этажом выше жилища американского военного атташе. Чтобы ожидавшиеся посетители не привлекали к себе внимания звонком, он оставил входную дверь слегка приоткрытой. Затем, сбив в миксере свой любимый напиток, уселся в кресле с журналом.

Ровно в полночь дверь бесшумно открылась. В прихожую вошел доктор Браун в сопровождении коренастого невысокого роста мужчины в кожаной куртке. Шляпы на нем не было, и лысина отсвечивала в неярком свете ламп. Мужчина и Мейер посмотрели внимательно друг на друга. Они не стали представляться и не протянули рук для пожатия. Несколько мгновений все стояли молча.

Мейер предложил посетителю снять куртку. Прежде чем раздеться, незнакомец сунул руку в карман. У Мейера никакого оружия не было, и он с тревогой подумал, успеет ли позвать на помощь офицера, живущего под ним, если посетитель достанет пистолет. Но немец извлек довольно больших размеров конверт коричневого цвета. На темно-красной мастике, которой он был прежде опечатан, четко виднелась свастика.

– Доктор Браун сообщил вам, что у меня есть еще кое-какая информация, – заговорил он на берлинском диалекте без всякого предисловия. – Если мне память не изменяет, здесь находится сто семьдесят шесть отдельных сообщений.

Произнеся эти слова, он положил конверт на небольшой журнальный столик, стоявший около дивана. Мейер быстро перелистал стопку бумаг. Это была информация о моральном состоянии немецких войск на русском фронте, сведения о разрушениях и саботаже французских участников движения Сопротивления, заметки о визитах в министерство японского посла и различные доклады Риббентропу. Большинство бумаг являлись расшифрованными телеграммами в министерство иностранных дел. Некоторые документы были сформулированы

---

²⁰ Муссолини Бенито (1883–1945) – основоположник итальянского фашизма, глава итальянского правительства с 1922-го по 1943 г. и марионеточного правительства республики Сало с 1943-го по 1945 г. Родился в деревне Довиа (Эмилия – Романья) в семье кузнеца. В 1912–1914 гг. – редактор социалистической газеты «Аванти». Участник Первой мировой войны – младший сержант. В 1919 г. образовал фашистский Союз борьбы, а в 1922 г. организовал поход на Рим, после чего пришел к власти. К 1926 г. уничтожил остатки оппозиции и создал фашистский трибунал. 1933 г. – агрессия против Эфиопии. 1936 г. – организация фашистского мятежа в республиканской Испании. В 1938 г. – участник Мюнхенского сговора. В 1943 г. арестован королем, но был освобожден немцами, формирует новое правительство в Ломбардии. В апреле 1945 г. захвачен партизанами, расстрелян и с позором повешен за ноги в Милане.

с протокольной точностью, другие носили характер стенограмм. Каждое из этих, даже самых небольших сообщений нашло бы, несомненно, свое место в мозаике стратегической и тактической информации о гитлеровской империи, собираемой американцами.

Когда Мейер заканчивал просмотр материалов, в комнату вошел Даллес, которого хозяин представил как коллегу по работе – мистера Дугласа. Затем он предложил всем присутствовавшим по бокалу виски. Взаимное недоверие, однако, сковывало языки, и разговор носил чисто формальный характер. Оба немца вели себя достойно, стараясь выдерживать дружелюбный тон, американцы же, сами того не осознавая, с трудом скрывали возбуждение. Разговор шел на немецком языке.

– Господа наверняка спросят, являются ли эти документы подлинными и каким образом они у меня оказались, – произнес незнакомец. – Это – материалы, побывавшие на моем письменном столе в министерстве иностранных дел.

Затем пояснил, что является референтом доктора Карла Риттера, возглавляющего отдел по связям министерства иностранных дел с вермахтом. Через его руки проходят не только телеграммы и меморандумы, поступающие из немецких иностранных представительств, но и материалы по военным операциям, секретному планированию подводной войны, передислокации войск и положению дел в военной администрации оккупированных районов, а также деятельности авиации Геринга.

– В мою задачу входит, – продолжил немец, – распределение поступающей информации по степени важности, прежде чем она попадет на стол Риттера.

Мейер и Даллес обменялись взглядами. Риттер был им хорошо знаком. Будучи немецким послом в Рио-де-Жанейро, он был в свое время одним из самых активных и опасных противников американцев, возглавляя громадную национал-социалистскую шпионскую сеть. Он отличался хладнокровием, наглостью и не брезговал никакими средствами. Мысль о том, что он мог повернуться к нацистам спиной, была маловероятной.

– Как долго вы работаете на этой должности? – спросил Мейер.

– Уже три года, – последовал ответ. – Я давно пытался выбраться из Германии для осуществления поставленной самому себе задачи, но требовались терпение и выдержка. А вообще-то я служу в министерстве иностранных дел почти двадцать лет, попал туда задолго до прихода нацистов к власти, так что определенный опыт у меня имеется.

Он скромно пожал плечами, но в голосе послышалась скрытая гордость.

– С первого же дня, когда мне пришлось иметь дело с секретными документами, мне стало ясно, что надо найти пути и возможности их доставки нужным людям, – добавил он. – После событий в Перл-Харборе я старался через церковные круги Берлина установить контакт с американцами, но успеха не добился, хотя и приходилось извиваться напоподобие змеи. Было ясно, что такое возможно только на нейтральной территории. И я посчитал, что самым подходящим местом является Швейцария. Я знал эту страну, где у меня были друзья – прежде всего доктор Браун. Поездка была бы непродолжительной, но сложность заключалась в том, чтобы найти правдоподобное обоснование для выезда.

И он решил предпринять своеобразную рекогносцировку, учитывая, что некоторым партийным боссам удастся выезжать в отпуск за пределы рейха. Хотя он и не являлся членом партии, мог все же позволить себе, как чиновник с многолетним стажем, небольшой отдых. Он подал своему начальству заявление с просьбой предоставить краткосрочный отпуск, чтобы покататься на лыжах в Швейцарских Альпах или Италии. В просьбе ему, однако, отказали. Миновал почти год, прежде чем он предпринял новую попытку, дабы не вызывать подозрений.

На этот раз он заявил, что ему необходимо оформить развод со своей второй женой – якобы швейцаркой, для чего требуется встреча с адвокатом в Цюрихе. Ему объяснили, что дело, мол, не слишком срочное. По прошествии еще некоторого времени он заявил о своей

готовности поработать в качестве дипломатического курьера, но ему ответили, что таковых вполне хватает.

Лишь через несколько месяцев ему удалось наконец осуществить свой замысел. Заместителем начальника курьерской службы министерства была фрейлейн Мария, молодая, но умная и рассудительная женщина, происходившая из прусской аристократической семьи. Он решил обратиться к ней, признавшись чистосердечно, что ему необходимо попасть в Швейцарию для решения деловых вопросов своих друзей, и спросил, не мог ли бы он съездить туда в качестве курьера.

– Примерно через неделю будет готова курьерская почта для отправки в Берн, – ответила она. – Думаю, что мне удастся послать вас.

На третьей неделе августа вопрос был решен, он получил выездную визу и выехал без происшествий в Швейцарию. Досмотру, как дипломат, он не подвергался и перевез материалы через границу, привязав их к ноге под брючиной. Расслабляться ему, впрочем, было рано. В Берлине, хоть затемненном и неприветливом, он знал каждый камень, в швейцарской же столице не был уже долгие годы. А она показалась ему совершенно иной и чужой. Ему приходилось опасаться не только немецких агентов, но и швейцарской тайной полиции, вынюхивавшей шпионов. К тому же более двух – максимум трех дней оставаться в Берне он не мог. Не имел он возможности остановиться и в какой-нибудь маленькой гостинице, так как министерство иностранных дел Германии имело свой счет в «Терминусе», что на привокзальной площади, где для него зарезервировали номер. Он знал, что за ним там будет установлена слежка, людей, с которыми он станет контактировать, тоже возьмут на заметку, а телефонные разговоры наверняка прослушиваются. Лишь по прошествии нескольких часов ему удалось позвонить доктору Брауну из уличного телефона-автомата. Вот каковым был его путь до апартаментов Мейера.

Американцы знали о существовании довольно слабого немецкого подполья, состоявшего из армейских офицеров и некоторых гражданских лиц, которые никак не могли решить, следует ли убить Гитлера или же просто арестовать, после чего начать мирные переговоры с союзниками. Среди заговорщиков были также представители старого немецкого дворянства, ремесленники и политики. Незнакомец мог, конечно, принадлежать к их кругу, но для выяснения этого нужно было соответствующее подтверждение.

– Мы не знаем, – прервал его рассказ Даллес, – не являетесь ли вы агентом-provокатором.

– Вы были бы слишком наивными, – согласился немец, – если бы у вас не возникло никаких подозрений. Сейчас я не могу доказать, что таковым не являюсь. Однако если бы я был provокатором, то вряд ли сумел бы представить вам такое количество секретной документации. Согласитесь, для отвода глаз вполне хватило бы двух-трех бумаг.

Он немного помолчал и откашлялся. Доктор Браун глянул на курьера и сказал:

– Если мой друг не станет возражать, я приведу одну фразу, которую он произнес вчера при нашей встрече. Он провозгласил тост: «Недостаточно сжимать руку в кулак в кармане, надо, чтобы он мог нанести удар».

Эти слова произвели на американцев благоприятное впечатление. Тем не менее они подумали: может быть, за этим все же что-то скрывается, скажем, предоставление документов в обмен на освобождение немецких военнопленных или что-либо другое.

Доктор Браун усмехнулся, как бы прочитав их мысли:

– Должен признаться, что мы сначала обратились в британское посольство. Там меня немного знают. Когда же меня спросили о финансовых условиях, а я ответил: «Никаких» – то меня не стали принимать всерьез, а попросту высмеяли, сказав, что это все не более как шутка и к тому же глупая.

– Каковы же ваши условия? – спросил Мейер.

Курьер посмотрел сначала на него, потом на Даллеса и медленно проговорил:

– Господа, я ненавижу нацистов. Для меня они – враг номер один. По отношению к большевикам я испытываю то же самое. И те и другие представляют опасность для мира. Но ведь идет война, а страдает народ. Попробуйте поверить, что я действительно – немецкий патриот, человек с совестью, и таких людей в Германии довольно много. Все, что мы просим в качестве оплаты за наши услуги, сводится к оказанию нам помощи и поддержки после войны как в моральном, так и в материальном плане.

– Сейчас трудно предугадать, что будет после войны, – заметил Даллес. – Сначала ее надо выиграть. – Нагнувшись вперед, он постучал костяшками пальцев по столу.

Было уже три часа ночи. Немцы по соображениям безопасности оставаться дольше не могли. Да и курьеру предстояло выехать в Берлин утренним поездом. Следующую поездку он, по-видимому, сможет предпринять в Швецию. Конечно, необходимо какое-то время, чтобы проверить переданную им информацию. И еще. Для того чтобы ему легче было установить контакт с американским посольством в Стокгольме, необходим псевдоним для идентификации.

Потом уже никто не мог вспомнить, откуда и почему появилось имя Джордж Вуд. Может, какую-то роль сыграло постукивание Даллеса по крышке стола. Но как бы то ни было, на этом имени и остановились, восприняв это как хорошее предзнаменование. При прощании мужчины крепко пожали друг другу руки, и Джордж Вуд и доктор Браун бесшумно спустились по лестнице, Даллес и Мейер после ухода немцев до самого рассвета занимались сортировкой документов. Обменявшись мнениями, пришли к выводу, что стоит рискнуть пойти на предложенную игру и сообщить обо всем в Вашингтон. В течение дня составили обстоятельную депешу с изложением данных о Вуде и просьбой об ускоренной их проверке.

А Вуд в это время сидел в вагоне поезда, мчавшегося в Берлин, уютно устроившись в углу купе. Хотя за истекшие четверо суток он почти не спал – подушки в номере «Терминуса» были едва помяты, – он не чувствовал усталости. Он испытывал такое же радостное волнение, как и после прыжка на лыжах, совершенного им однажды после длительной тренировки, хотя американцы не дали ему никаких доказательств их доверия, а риск, ожидавший его, был очень велик. Как бы то ни было, ему удалось-таки совершить после длительного выжидания первый шаг.

Незаметно он задремал, а когда проснулся от толчка поезда, за окном уже пробежали пригороды Берлина. Хотя день клонился к вечеру, он сразу же поехал на работу на Вильгельмштрассе, чтобы доложить и посидеть за своим письменным столом. С этой минуты он должен стать еще более осторожным, чем когда-либо, отгородиться от всех стеной молчания, делая вид, что поглощен лишь работой. Самым тяжелым для него было то, что он не мог ни с кем поделиться своими секретами, хотя у него были друзья и знакомые, тоже по-своему не принимавшие нацизм.

За исключением участвовавших в бомбардировках Берлина жизнь в городе протекала относительно спокойно. Но когда он шел по улицам с вокзала, дома показались ему более серыми и обветшавшими.

На его письменном столе лежала записка с пометкой «Срочно!». Развернув ее, он прочитал: «Немедленно явитесь к чиновнику по вопросам безопасности».

Страх так и пронизал его. Неужто им удалось что-либо уже обнаружить?

Чиновник оказался человеком с бледным лицом и глубоко запавшими глазами, подозрительно сверлившими собеседника. Когда Вуд зашел в его кабинет, он сидел, насупившись, за столом с телеграммой в руках, которую держал как готовое вот-вот развалиться пирожное.

– Вы ездили в Берн в качестве курьера? – спросил он. Голос его звучал глухо.

– Так точно.

– До нас дошло, что вы почти всю ночь с 23-го на 24-е провели вне стен «Терминуса».

– Да, это так, – ответил Вуд, натянуто улыбнувшись. – Человеку иногда хочется отвлечься. Да вы и сами знаете, как возникает желание побродить по улицам в чужом городе, выпить пару рюмок шнапса в каком-нибудь баре и поболтать с молоденькой девушкой...

– Очень неосторожно с вашей стороны, – прервал его чиновник. – К тому же сказанное вами может не соответствовать истине.

– Должен признаться, что потом я тоже оценил свой поступок как несколько легкомысленный, – согласился Вуд, – и поэтому принял кое-какие меры.

Достав из портмоне небольшую бумажку, он протянул ее ретивому службисту. Тот быстро просмотрел ее. Это была справка бернского врача о том, что Вуду утром 24 августа был сделан профилактический укол и произведен анализ крови.

– Все в порядке, – хмыкнул чиновник. – Но в будущем постарайтесь проводить свое время благоразумнее.

Несколько недель Вуд работал как одержимый. Очень часто на его письменный стол ложилась весьма важная и срочная информация, которую он, к сожалению, не мог передать союзникам. Прибытие подкреплений Кессельрингу в Италию, например, было отмечено на фронте 5-й американской армии еще до того, как он сумел передать приказ об этом Даллесу и Мейеру во время своей следующей поездки.

Несмотря на принимаемые им меры безопасности, любой непредвиденный случай мог перечеркнуть все его усилия. Однажды вечером у него появился старый школьный друг, сын зажиточных родителей, ставший лейтенантом вермахта, в гражданской одежде.

– А где же твоя форма? – изумленно спросил Вуд.

– Осталась в казарме, – беззаботно ответил тот. – Я удрал оттуда.

Потом разрыдался и обратился к Вуду с просьбой помочь ему бежать в Швейцарию. Достав из кармана золотые часы, добавил, что за них можно получить достаточно денег.

– Да ты – идиот! – взорвался Вуд. – Разве ты не знаешь, что каждый метр на границе охраняется пограничниками с собаками? Такая попытка равносильна самоубийству.

Попытавшись немного успокоить отчаявшегося офицера, он отвез его в казарму, пока никто ничего не заметил, даже не думая о возможных последствиях, если бы их остановил патруль и проверил документы.

На работе Вуд засиживался допоздна, делая иногда заметки по прочитанным документам. Он не имел права долго задерживать у себя бумаги с грифом «совершенно секретно», однако не возвращал их, пока не снимал копию. Такой материал он не держал ни дома, ни в своем письменном столе, а постоянно носил с собой.

В конце октября у него появились данные о событиях в Испании и Ирландии, которые надо было бы срочно передать союзникам. Поэтому он рискнул обратиться с просьбой о новой поездке. Ему повезло, так как почта направлялась в Берн, а фрейлейн Мария не возражала.

В ночь перед отъездом в Берн он едва не погиб. Вуд ненавидел бомбоубежища, чувствуя себя там как в ловушке. Как сотрудник министерства иностранных дел, он получил удостоверение, с которым мог свободно передвигаться по городу даже во время воздушных налетов авиации союзников. Вечером он навестил знакомого и возвращался в министерство, когда завывали сирены воздушной тревоги. На город посыпался град тяжелых авиабомб с британских самолетов.

Когда он поворачивал с Унтер-ден-Линден на Вильгельмштрассе, его остановил патруль. Полицейский принялся тщательно рассматривать его удостоверение при свете карманного фонарика, и вдруг метрах в ста пятидесяти от них разорвалась бомба, ударной волной их сбilo с ног. Через несколько секунд они поднялись, засыпанные пылью, но невредимые. Вуд поблагодарил полицейского за то, что тот остановил его и тем самым спас ему жизнь, угостил гаванской сигарой, оставшейся у него от последней поездки в Швейцарию, и, обходя еще дымившуюся воронку, пошел к себе на работу.

Подготовка к поездке ставила перед ним те же задачи, что и в августе. Привязывать отобранные секретные материалы к ноге Вуд не решился: это было не совсем удобно, да и небезопасно. Зная, что курьерская почта контролю не подвергается, он вложил полученный от Марии конверт в пакет несколько больших размеров вместе со своей документацией и опечатал пакет сургучной печатью со свастикой. Получился своеобразный чемодан с двойным дном.

Ранним утром он выехал с Анхальтского вокзала. Обычно поездка длилась восемнадцать часов, но из-за налетов авиации времени уходило гораздо больше. Улучив момент, он отозвал проводника в сторонку и, дав щедрые чаевые, попросил предупредить его в случае появления самолетов. Он не столько боялся бомбежек, сколько хотел иметь время, чтобы избавиться в случае опасности от компрометирующих материалов.

Часа в четыре утра проводник постучал в дверь его купе, крикнув: «Воздушная тревога!» – и побежал дальше. Поезд остановился. Вуд, не раздевавшийся на ночь, схватил конверт и дорожную сумку и выпрыгнул из вагона на край железнодорожной насыпи.

Они находились в лесу, судя по всему, где-то между Франкфуртом и Карлсруэ. Слабый лунный свет поблескивал на рельсах. Другие пассажиры тоже стали выпрыгивать из вагонов. Плакал ребенок, мужчина, не нашедший в темноте своего чемодана, громко ругался.

Вуд, услышав приближавшийся рев самолетов, сиганул в придорожную канаву. Летевший на бреющем полете английский бомбардировщик дал несколько очередей из пулемета по локомотиву. Ответный огонь открыт не был, так как только специальные поезда имели зенитные установки. Самолет исчез, и тут же на некотором удалении, на повороте дороги, раздался оглушительный взрыв, сопровождавшийся ярким всполохом пламени. Хотя прямого попадания бомбы не было, колею все же повредило. Поезд смог продолжить путь только во второй половине дня. Больше налетов авиации не было, однако Вуд потерял почти целый день.

В Базеле пассажиров подвергли таможенному и паспортному контролю сначала немцы, а потом и швейцарцы. Хотя Вуд и не терял самообладания, он все же испытывал определенный страх, сердце бешено колотилось, а в голове пульсировала мысль: «Ведь с тобой материал, который будет стоить тебе головы, если его обнаружат». Внешне совершенно спокойный, он небрежно держал смертельно опасный пакет в руке. Пограничник, внимательно посмотрев на Вуда, кивнул, разрешив идти.

На вокзале он поспешил в туалет, разорвал внешний пакет и рассовал свою документацию по карманам. Сам пакет сжег, а пепел спустил в унитаз. Взяв такси, перебрался через Рейн к Швейцарскому вокзалу, где сел в поезд, шедший на Берн.

Прибыв к месту назначения, Вуд сначала сдал конверт в посольстве, после чего позвонил Брауну. Встретились через два часа за кружкой пива, доктор сообщил ему, что американцы ждут его уже давно и готовы принять вечером. Мейер встретит его на своей автомашине, английском «триумфе», в половине двенадцатого ночи на мосту Кирхенфельд, идущем через Аару.

Поскольку на мосту будет темно, условились, что на переднем бампере остановившейся автомашины загорится синяя лампочка. Вуд выскочил из укрытия и сел в машину.

– Я очень рад, что вам удалось снова сюда выбраться, – приветствовал его Мейер. – Встретимся у Даллеса, но пойдем туда поодиночке.

Подъехав к пешеходной тропинке, он высадил Вуда, объяснив ему, как пройти к нужному дому через сады. Сам же уехал и зашел позже в дом с другой стороны.

Войдя в кабинет Даллеса, Вуд достал свои трофеи. Немецкая миссия в Дублине, используя нелегальный радиопередатчик, устраивала радиопомехи, сбивавшие корабли союзников с курса. После протеста госдепартамента ирландская полиция конфисковала важнейшие детали передатчика, вынудив его замолчать. Вуд представил телеграмму, в которой немецкий посланник запрашивал необходимые запчасти, которые предполагалось доставить контрабандным путем.

Парижский посол Абетц направил в Берлин план, разработанный Лавалем, по которому родственники людей, перешедших к Де Голлю, подлежали аресту и даже расстрелу в целях устрашения участников движения Сопротивления.

Немецкий посол из Мадрида докладывал:

– Корабли с грузом апельсинов будут по-прежнему отправляться в соответствии с планом.

Вуду удалось установить, что Франко, в нарушение договоренностей с союзниками, продает Германии вольфрам, упакованный в ящики из-под апельсинов.

Перед самым отъездом Вуда из Берлина поступило сообщение от немецкого посла в Буэнос-Айресе о том, что из американского атлантического порта в ближайшее время в Европу выйдет большой конвой кораблей.

Это было очень своевременное извещение, план выхода конвоя в море изменили, и запланированные атаки немецких подводных лодок сорваны. За нелегальный экспорт вольфрама на Испанию было наложено эмбарго в поставках нефти.

Вуд предложил присылать в период между поездками небольшие безобидные посылочки с закодированными сообщениями на адрес «шурина» доктора Брауна в Цюрих. Систему кодирования он придумал сам во время вагнеровского концерта в Берлине, будучи страстным любителем музыки.

Чтобы оповестить, дошли ли сведения до адресата, можно было бы, по его мнению, высылать ему от лица этого шурина продовольственные посылочки с рыбными консервами, маслом, кофе и другими продуктами. Кофе класть только тогда, когда информация получена.

Перед уходом Вуд попросил две вещи: небольшой фотоаппарат с высокой разрешающей способностью и оружие.

– Фотографирование документов сэкономило бы уйму времени, – сказал он. – Я мог бы пересылать вам непроявленные пленки или привозить их сам.

Мейер смог передать ему фотоаппарат уже на следующий день, но иметь оружие отсоветовал, так как в случае ареста оно явилось бы отягчающим обстоятельством.

– Впрочем, – рассмеялся Вуд, когда они пожали друг другу руки на прощание, – я могу обзавестись пистолетом и в Германии. Весь вермахт я из него не перестреляю, но он нужен мне на крайний случай – для себя самого.

За всю зиму только в двух продовольственных посылочках от «шурина» доктора Брауна кофе не было вложено.

Вуду удалось восстановить отношения со старым другом, вместе с которым они работали в Испании и который теперь был курьером. (В министерском аппарате имелись люди, настроенные против нацистов, но не рисковавшие что-либо предпринять. Некоторые даже подчеркивали свою некоторую оппозиционность, однако правая рука у них не знала, что делает левая. Тем не менее и от них была определенная польза.) Курьер, например, согласился передавать иногда приветы цюрихскому «шурину».

Вуд воспользовался и услугами вышедшего на пенсию по возрасту коллеги, который перебрался на жительство в небольшой домик в Форарльбергских Альпах у Боденского озера. Его звали Вернер, и он ухитрился переправлять почту в Швейцарию, не интересуясь ее содержанием и предназначением. В штормовые дни конца войны он даже предоставил Вуду убежище.

Однажды Вуд ухитрился переправить в Цюрих микрофильмы, спрятав их в корпус наручных часов. В то время отремонтировать испортившиеся часы в Германии было практически невозможно, так что его просьба к одному из курьеров передать их «шурину» для ремонта была вполне убедительной.

Вашингтон и Лондон интересовались объемом производства военной продукции, чтобы оценить результативность воздушной войны. И Вуд неоднократно представлял такие данные, сопровождая их выводами о моральном настроении населения.

Однажды Берн получил указание из Вашингтона о необходимости уделить больше внимания информации о Японии. Поскольку об очередном прибытии Вуда судить было трудно, а направлять ему шифровку опасно, Мейера осенила блестящая идея. Из Цюриха Вуду послали почтовую открытку с горным пейзажем, текст которой гласил:

«Дорогой друг! Может, ты еще помнишь моего маленького сынишку. У него скоро день рождения, и я хотел бы подарить ему какую-нибудь оригинальную японскую игрушку, которые до недавнего времени были у нас во всех магазинах, а сейчас исчезли. Если они еще, конечно, есть в Берлине...»

Вскоре Вуд сам приехал в Берн и привез подробную информацию о японцах, в том числе и о вооружении японского флота. (Данные эти подтвердили правильность раскодирования японского военно-морского шифра.)

Ранней весной 1944 года в Берне стало известно о готовящемся в кругах немецких заговорщиков покушении на Гитлера. Никаких связей с ними Вуд не имел, но через друзей и знакомых узнал о некоторых подробностях. К тому же ему удалось переправить в Берн подробную информацию о характере и месте нахождения штаб-квартиры фюрера на Восточном фронте. Исходя из этого, у союзников возникла идея разбомбить ее с воздуха, но до осуществления этого плана дело так и не дошло.

20 июля 1944 года во время обсуждения обстановки на фронте в деревянном бараке «Волчьего логова» в Восточной Пруссии однорукий полковник граф фон Штауффенберг²¹ подложил под стол, на котором были развернуты карты, бомбу с часовым механизмом, заложенную в его портфель. Взрыв бомбы произошел, но каким-то чудом Гитлер отделался легкими царапинами. Самый значительный и хорошо подготовленный антинацистский заговор провалился²².

От Вуда долгое время не было никаких известий, и Мейер даже подумал, что прокатившаяся волна арестов и «процессов» захлестнула и его. Только в конце сентября выяснилось, что Вуд жив. С того времени и до самого конца войны поток информации из министерства иностранных дел Германии, весьма ценной для союзников, не прекращался.

Примечание А. Даллеса

Хотел бы сказать несколько слов о своих личных впечатлениях о Вуде, которые помогут читателю разобраться в его характере и вместе с тем покажут трудности, с которыми приходится сталкиваться даже в работе с таким идеалистом, как он.

В конце 1943-го или начале 1944 годов – точно не помню, – во всяком случае задолго до покушения на Гитлера, во время своего очередного приезда в Швейцарию Вуд пожелал пере-

---

²¹ Штауффенберг Клаус Шенк фон (1907–1944) – немецкий полковник, ключевая фигура заговора против Гитлера. Родился в Грайфенштайне (Франкония) в аристократической семье. Приняв с энтузиазмом приход к власти Гитлера, он потом разочаровался в нацизме. Участник Второй мировой войны, тяжело ранен в Тунисе (потерял глаз, правую руку). Был назначен на должность начштаба резервной армии. Подложил 20 июля 1944 г. под стол в ставке фюрера бомбу. Однако покушение оказалось неудачным. Был арестован и расстрелян в ту же ночь.

²² Заговор возглавлял генерал-полковник Людвиг Бек, бывший в свое время начальником генштаба. В нем участвовали бывший командующий сухопутными войсками генерал-полковник Эрих Херпнер, начальник управления снабжения резервной армии генерал-полковник Фридрих Ольбрихт, начальник штаба группы армий «Центр» генерал-майор фон Тресков, командующий немецкими войсками во Франции генерал-полковник Карл фон Штюльпнагель, бывший бургомистр Лейпцига Карл Герделер, пастор Дитрих Бонхефер, юрист граф Хельмут Мольтке. От взрыва бомбы погибло 24 человека, многие участники совещания ранены. У Гитлера обгорели волосы, была частично парализована правая рука, обожжена правая нога и повреждены барабанные перепонки. От развязанного террора погибло много людей, в том числе почти все заговорщики.

говорить со мною с глазу на глаз. То, что он предложил, и удивило, и обеспокоило меня. Он намеревался прекратить свою и так чрезвычайно опасную нелегальную деятельность в министерстве и стать «полноправным членом» немецкого Сопротивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.